

На рассвете Цзю-эр пришел помочь Жун Цзюэ умыться и причесаться, но заметил, что под глазами у него темные круги.

— Ваше величество, не прикажете ли вызвать врача из Императорской лечебницы, чтобы он приготовил успокоительное снадобье? — Цзю-эр тихо спросил, массируя виски Жун Цзюэ.

— Хорошо.

Фан Ляочжи был оставлен по приказу императора, но не знал, какую роль он теперь играет. Вчера император ударил его пресс-папье по голове, и никто не оказал ему помощи, не дал лекарств. Он кое-как собрал сухую траву, чтобы остановить кровь. Когда Жун Цзюэ увидел его, на его лице все еще были следы крови и травы, и он выглядел не лучше, чем при первой встрече.

Жун Цзюэ взял с собой Лин Чэ и Цзю-эр прогуляться по саду загородного дворца. Когда они дошли до Сада Орхидей, то увидели, как Фан Ляочжи бродит без дела. Лин Чэ поднял камень и с силой бросил его в колено Фан Ляочжи. Тот, почувствовав резкую боль, тут же упал на колени. Подняв голову, он увидел перед собой императора.

— Наглец, как ты смеешь здесь бродить? Это загородный дворец, а не улица, — Лин Чэ, глядя на этого ненавистного человека, строго отчитал его.

— Ваше величество, здоровья вам, — Фан Ляочжи поклонился Жун Цзюэ, даже не взглянув на Лин Чэ, как будто не слышал его.

— Цзю-эр, когда пойдешь в Императорскую лечебницу, возьми для него лекарства, — Жун Цзюэ, увидев рану на голове Фан Ляочжи, нахмурился.

— Спасибо, ваше величество, вы действительно милосердны, — Фан Ляочжи улыбнулся и поднял глаза на Жун Цзюэ.

Этот человек был действительно смел. Не имея никакого статуса, он осмелился смотреть прямо на императора. Цзю-эр украдкой посмотрел на выражение лица Жун Цзюэ, но не увидел гнева.

— Вчера ты говорил, что можешь делать что-то, да? — Жун Цзюэ поднял ногу, кончиком ботинка подняв подбородок Фан Ляочжи.

Фан Ляочжи, с поднятым подбородком, не забыл улыбнуться:

— Ваше величество, что бы вы ни приказали, я сделаю.

— Мне кажется, ты идеально подходишь для вспашки. Раз тебе нравится бродить по этому саду, можешь заняться вспашкой. Лин Чэ, найди для него плуг.

Лин Чэ слегка опешил.

— Что случилось? Ведь это ты его плетью отстегал.

— Но, ваше величество, в саду много людей, и если слуги увидят это, это будет не очень...

— Лин Чэ, я думал, ты изменился, но ты остался прежним.

Лин Чэ больше не возражал.

— Ваше величество, я могу пахать. Только не знаю, когда вы будете приходить в этот сад. Если вы придете, я буду пахать аккуратнее.

Лин Чэ и Цзю-эр были в полном недоумении. Как этот человек может быть настолько бесстыдным, говоря с императором без всяких прикрас.

— Я буду приходить, когда захочу, разве я должен отчитываться перед тобой? — Жун Цзюэ опустил ногу и шагнул вперед. Фан Ляочжи лег на землю, позволяя ему пройти.

В тот же день в саду загородного дворца появился раб, согнувшийся над плугом. Садовники, никогда не видевшие, чтобы кто-то пахал в саду, были крайне удивлены, но, услышав, что это приказ императора, обходили его стороной, не задавая вопросов.

Хотя работа была тяжелой, еды он получал больше, чем обычно. По крайней мере, это было лучше, чем попрошайничать. Фан Ляочжи считал, что сделка с императором была выгодной. Однако он и так не был крепким, и через несколько дней его спина уже не могла выпрямиться. Что еще хуже, император так и не появился. Только во время еды он слышал, как евнухи шептались, что в этом дворце Цзю-эр становится все более любимым.

Прошло еще пять дней, и Фан Ляочжи почувствовал, что его спина больше не принадлежит ему. Если он продолжит так пахать, то скоро умрет. И тут император наконец появился в Саду Орхидей. Фан Ляочжи похудел и почернел, его спина была согнута, но, увидев Жун Цзюэ, он широко улыбнулся:

— Ваше величество, как вам моя вспашка?

Лин Чэ, стоя рядом, даже почувствовал жалость, думая, что лучше бы он убил его, чтобы избавиться от мучений.

— Ваше величество, может, позвольте мне разобраться с ним?

— Ты говорил, что хорошо пишешь, иди перепиши для меня сутру, — Жун Цзюэ проигнорировал Лин Чэ, и эти слова фактически помиловали Фан Ляочжи.

— Ваше величество, я пахал десять дней, и мои руки болят. Конечно, я не смогу написать идеально, но и половины моих способностей будет достаточно, — Фан Ляочжи, лежа на животе словно червяк, ответил.

Смелые слова. Похоже на кого-то.

— Отнесите его в кабинет Шаньинь, — приказал Жун Цзюэ, и несколько евнухов подняли Фан Ляочжи.

Кабинет Шаньинь, библиотека Восточной загородной резиденции, расположенная у подножия горы, с бамбуковой рощей перед входом, с видом на юг, была очень живописным местом. Фан Ляочжи, которого несли туда, был в восторге. Спина все еще болела, и он не мог сидеть, поэтому он лежал на полу и переписывал. Ему нужно было переписать «Сутру Безмерной Жизни». Жун Цзюэ читал, а он писал. Чтец читал быстро, а у писца затекали руки.

— В мире людей, среди любви и желаний, человек рождается и умирает один, приходит и уходит один.

В этих словах, казалось, звучала грусть. Фан Ляочжи хотел поднять голову и посмотреть на

Жун Цзюэ. Но, не успев поднять, получил книгой по голове, и сзади раздался глухой удар. Он опустил голову и продолжил писать.

Закончив переписывать, он не только не мог выпрямить спину, но и руки полностью отказали.

Фан Ляочжи лежал на полу, прижавшись к земле, в крайне неприглядной позе. Из всех частей тела мог двигать только ртом, поэтому не терял времени:

— Ваше величество, не печальтесь.

Жун Цзюэ, казалось, не слышал его, подошел, поднял переписанную сутру и начал внимательно читать каждую страницу, каждое слово.

— И это ты называешь хорошим почерком? Просто не ужасно, — с разочарованием в голосе сказал он. Этот почерк был совершенно не похож на тот, что он помнил. На что он вообще надеялся?

— Ваше величество, я же говорил, что могу выложиться только наполовину, — ответил человек, лежащий перед ним, похожий на кучу грязи.

Жун Цзюэ почувствовал усталость. Присев, он левой рукой поднял лицо Фан Ляочжи, глядя ему в глаза, словно пытаясь заглянуть в душу.

— Где ты изучал «Цимень Дуньцзя»? Говори.

— Ваше величество, раб не помнит.

— У тебя два дня, чтобы вспомнить. Если не вспомнишь, узнаешь, что такое настоящие муки, — Жун Цзюэ сжал руку, и зубы Фан Ляочжи заскрипели.

Фан Ляочжи, глядя на выражение лица императора, понял, что тот не шутит. Если через два дня он не вспомнит, то либо умрет, либо останется без кожи.

Пролежав два дня в кабинете Шаньинь, Фан Ляочжи наблюдал, как солнце встает и садится.

Император пришел точно в срок.

— Ну что, будешь говорить?

— Ваше величество, не то чтобы я не хотел, но я уже вырывал волосы, а все равно не могу вспомнить.

В глазах Жун Цзюэ появился зловещий блеск.

— Хорошо, я помогу тебе вспомнить.

Отдохнув два дня, Фан Ляочжи уже мог немного двигаться, и с положения лежа перешел на колени.

Жун Цзюэ подошел к курильнице и зажег длинную благовонную палочку толщиной в два пальца.

— Когда эта палочка догорит, посмотрим, сколько ты вспомнишь.

На лбу Фан Ляочжи выступил пот, но он продолжал твердить:

— Я действительно не могу вспомнить, ваше величество, поверьте мне.

Жун Цзюэ только фыркнул, взял кисть и поднял одежду Фан Ляочжи. Его спина обнажилась, и на левой стороне был виден шрам от меча, пронзивший насквозь, а рядом — три свежих рубца от кнута.

Один иероглиф «солнце», одна черта... до последнего крючка Жун Цзюэ обмакнул кисть в чернила и нарисовал на шраме иероглиф «Мянь».

— Ваше величество, вы начертили на спине раба такой почтенный иероглиф, каков ваш промысел? — Фан Ляочжи спросил, когда последняя черта была завершена.

— Да? Ты действительно не знаешь? — Жун Цзюэ бросил кисть, взял только что зажженную палочку и поднес к иероглифу на спине Фан Ляочжи.

— Оказывается, ваше величество хотите применить ко мне пытку огнем, — рука Фан Ляочжи дрогнула, и тело наклонилось, но он сразу же вернулся в прежнее положение. — Ваше величество, лучше найдите кого-нибудь, чтобы заткнуть мне рот. Я боюсь боли, и мои крики могут повредить ваш слух.

Жун Цзюэ подносил палочку все ближе, и наконец раздался звук обжигаемой кожи. Фан Ляочжи стиснул зубы, на спине выступил мелкий пот.

Одна палочка уже нарисовала верхнюю часть иероглифа, а Фан Ляочжи прикусил нижнюю губу до крови, и пот капал на пол.

— Ты же говорил, что боишься кричать, чтобы не повредить мой слух? Почему молчишь? — Жун Цзюэ продолжал прижигать.

— Ради вашего величества я... могу... терпеть, — Фан Ляочжи произносил слова с трудом, тяжело дыша, и добавил:

— Возьмите другую палочку, не обожгите руку.

— Лучше подумай о себе, — Жун Цзюэ остановился. Фан Ляочжи, словно вырвавшись из ада на мгновение, поспешил добавить:

— Ваше величество, пытая меня, не стоит вредить себе, вдовствующая императрица будет огорчена.

Казалось, эти слова задели Жун Цзюэ, и он бросил почти догоревшую палочку, зажег новую.

— Даже вдовствующую императрицу приплел. Ты все еще не хочешь говорить?

— Ваше величество, то, что нельзя вспомнить, действительно нельзя вспомнить, — Фан Ляочжи, немного расслабившись, привел себя в порядок и снова опустил голову, ожидая продолжения пытки.

Жун Цзюэ стиснул зубы и прижал новую палочку к нижней черте иероглифа.

После долгих мучений, когда была завершена последняя черта, Фан Ляочжи наконец закричал от боли. Обожженная кожа, упавшая на пол, издала неприятный запах, и воздух наполнился

запахом крови.

<http://bllate.org/book/16817/1564605>